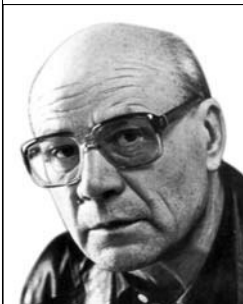

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ народного образования

МОСКВА. ШКОЛА №... ОКТЯБРЬ 2027 ГОДА.

Игорь Васильевич Бестужев-Лада

Опыт нормативного прогнозного сценария желательных изменений, который в XX веке назвали бы утопией.

1. Норма и патология

Слава Богу, на фоне стольких изменений за почти 30 лет сама школа внешне почти не изменилась с 2000 года. Чего нельзя сказать о классах и о самих школьниках...

Вместо привычных групп одноклассников во дворе и в коридорах школы всюду видны разновозрастные группы, причём почти в каждой — один-два взрослых. Мой гид поясняет:

— Подрастающее поколение вида гомо сапиенс десятки тысяч лет обучалось и воспитывалось в малых разновозрастных семейных группах. Там, где ребёнок с двух-трёх лет привыкал к заботе о младших и к подражанию старшим. Это была норма, неизменная до сих пор, поскольку даёт максимально возможный эффект. Прав-

да, та же самая норма предусматривала и периодическое общение сверстников, ибо без этого личность всегда получается ущербной. Но, во-первых, такое общение было довольно редким сравнительно с разновозрастными группами. Во-вторых, оно всегда носило строго упорядоченный, можно даже сказать, ритуальный характер: игра, беседа, какая-то трудовая операция. Поэтому негативные следствия подобного общения минимизировались.

Дело в том, что в любой группе сверстников — будь им хоть по десять, хоть по сто лет — социальные отношения между людьми строятся качественно иным образом, нежели в разновозрастной группе. В последней всегда приходится опекать младших, подражать старшим братьям и сёстрам, слушаться взрослых. Как мы уже говорили, это — норма. Напротив, в группе сверстников всегда выделяется лидер — либо два-три соперничающих между собой лидера. Подражать и подчиняться приходится именно ему. Некоторые составляют

как бы его «свиту», помогая держать в подчинении остальных. Другие выстраиваются в иерархию более уважаемых и менее уважаемых. Наконец, на самом дне оказываются один или несколько совсем принижённых, над которыми безнаказанно измываются остальные. Страх попасть в их число заставляет остальных подчиняться лидеру, и такая группа оказывается довольно стабильной. Хотя страшно деморализует всех её членов, что в былые времена наглядно демонстрировалось нравами тюремной камеры или солдатской казармы, но было не чуждо любой другой компании. Словом, налицо — явная патология, хотя неизбежная, но желательна минимальная.

Во второй половине прошлого, XX века, в связи с массовым переходом от традиционного сельского к современному городскому образу жизни, семья перестала быть господствующей, разновозрастные группы сделались редкостью и группы сверстников вышли на первый план. В том числе и в школе. То, что раньше было исключением, стало правилом. Патология стала нормой. С ужасающими для общества последствиями.

В первые десятилетия XXI века была предпринята попытка снова сделать норму нормой. Компьютер «заместил» миллионы рабочих мест и создал реальную возможность направить миллионы взрослых в школы в качестве социального работника — ассистента педагога по внеклассной работе с детьми. Многие заняты в этой роли не более двух-трёх часов в день, но этого достаточно, чтобы ребята не оставались одни слишком долго, чтобы с ними почти всегда был кто-то старший или даже двое-трое старших. Не учитель, нет — скорее, авторитетный старший друг, полностью исключая жуткую альтернативу в виде главаря звериной стаи детей, подростков, молодёжи — типичной картины последних десятилетий XX века.

Мы прошли в школу и обнаружили, что прежних классных залов больше не существует. Их разгородили на две-три уютные комнаты каждый. Нет больше рядов парт с «камчаткой» отпетых двоечников и передними скамьями отличников. Есть несколько учебных столиков, поставленных кружком, включая такое же место преподавателя. И разные на-

глядные пособия вокруг. Глаз сразу же определяет привычную формулу: семь, плюс-минус два. Это обычный оптимум любой учебной группы для классных занятий во все времена, только раньше он был роскошью для платных групп или для высокого начальства на курсах переподготовки. А сейчас стал ещё одной нормой. Разумеется, вызывающей массу вопросов гостя из XX века.

2. Учитель и воспитатель

— По пять-семь человек в классе — не слишком ли накладно в смысле помещений и преподавателей?

— Москва перестала быть гнусной барахолкой и средоточием жульническо-паразитических контор, да ещё с сотнями заводов и фабрик XIX века, какой она оставалась до XXI века. Нет, никаких запретов. Просто компьютер лишил рабочих мест миллионы торговцев, рабочих и служащих, высвободил тысячи помещений. Школа в этом смысле сегодня так же приоритетна, как банк или департамент тридцать лет назад. И чем больше рабочих мест в школе — тем лучше. К тому же в нашем городе и в нашей школе сегодня вдвое меньше детей, чем в 2000 году. Тогда дело шло вообще к полному физическому вырождению населения страны. Этот катастрофический процесс удалось приостановить с трудом.

— Я вижу в этом классе только мальчиков, а в соседнем только девочек. Что же, опять разделение на «мужские» и «женские»?

— Нет, школа — смешанная, а занятия во многих классах — отдельные. Иногда мальчики и девочки занимаются совместно, но это чаще — в школьных клубах по интересам вечером. Мы стараемся, чтобы общение мальчиков и девочек было нечастым и по возможности ритуальным, т.е. в рамках определённо-

го распорядка, который теми и другими признаётся обязательным. Дело в том, что к концу XX века, в погоне за пресловутым «равноправием полов», разгороженными остались только общественные уборные. Между тем горький опыт показывает, что если дети с ранних лет до женитьбы чуть ли не голые на глазах друг у друга — нормальных семейных отношений не жди. Женщина для мужчины всегда должна быть окружена неким покровом тайны. И наоборот. Мы доигрались в этом отношении до того, что серьёзные сексуальные проблемы, не говоря уже о гинекологии, урологии и венерологии, сделались актуальными для десятков процентов молодёжи. Что весьма способствовало начавшемуся физическому вырождению народа, которое с таким трудом удалось приостановить.

— Но ведь это означает, что девочкам стало труднее осваивать «мужские» профессии, вообще жить в «мужском мире»?

— А почему мир обязательно должен оставаться «мужским»? Раньше «мужские» профессии давали по меньшей мере вдвое-втрое больше заработка, чем «женские». И у женщины выбор был невелик: либо оставайся презренной домохозяйкой-нюшкой, которую муж бросит ради первой же секретарши, либо становись этой самой секретаршей (варианты: ткачихой, врачихой, учительницей) с зарплатой, втрое меньшей, чем у начальника-мужчины, либо становись сама мужчиной, таскай шпалы и води поезда-самолёты, как он. Сегодня каждое рабочее место — любое! — на вес золота. И самое престижное, самое высокооплачиваемое — Мать Семейства, государственная директриса своего домашнего детсада. Это — как раньше депутат Госдумы с окладом министра. А все остальные, начиная с членов правительства и до последнего захвота, — её обслуга. Понятно, мечта каждой девочки — как раньше актрисой или валютной проституткой — стать именно Матерью Семейства. Но для этого надо очень много знать и очень много заботить-

ся о своём здоровье. Прямо как у космонавтов. Ну, а не выбилась в Матери — увы, прямая дорога в актрисы или секретарши, а то и того хуже — таскать разные шпалы наравне с мужчинами. У мальчиков перспективы поскромнее, в лучшем случае — Отец Семейства, заместитель и помощник Хранительницы Очага, капитан второго ранга на семейном корабле. Не задалось с такой карьерой — печальная дорога в какие-то там писари-звонари и прочие чиновники-сановники, которых у нас к концу XX века развелось больше, чем хороших родителей. Словом, как уже говорилось, — в обслугу Матерей и Отцов Семейства.

— Как мужчина, и того хуже — чиновник, предпочёл бы сменить тему разговора. Скажите, коль скоро в классе пять-девять человек, а не тридцать-сорок — это значит, во много раз больше двоек, а также вызовов к доске и родителей в школу? То есть вместо волны каждодневных несчастий школьника — настоящее цунами?

— Двойки давно канули в Лету, а родителей зовут в школу только по праздникам. Посмотрите на школьников. Все в очках, и у каждого правый глаз закрыт чёрным квадратом пять на пять сантиметров. Это и есть нынешний монитор персонального компьютера. И все пальцы на руках увешаны массивными перстнями. Это — клавиши кейборда. А сам компьютер — вон он, массивные наручные часы на руке у каждого. Заметьте, каждые такие «часы» соединены с Интернетом, вообще с Глобальной Информационной Системой Мира, и по этому помощнее всех компьютеров 2000 года вместе взятых. При такой ситуации бессмысленно делать упор на механическую память, на заучивание массы конкретных данных, как это практиковалось с пещерных времён до самого XXI века. Чего не спросят — пошевели лишь перстнями на пальцах, и через секунду — ответ на любой вопрос.

На любой! Нет, права оказалась госпожа Простакова: незачем учить географию, коль есть извозчик, который довезёт куда надо. Только на сей раз в роли извозчика выступает всемогущий компьютер.

Вообще-то, определённый минимум знаний надо иметь и постоянно его расширять. Равно как умений и навыков, с которыми то носились как с писаной торбой, то незаслуженно унижали как могли. Однако психология учит нас, что знания, умения и навыки лучше даются не из-под палки, а на интерес. Не надо ничего зубрить. И не надо долго мучиться, чтобы отвязались. Просто надо создать ситуацию, при которой любопытство или банальный шкурный интерес как бы автоматически переливает необходимое из сокровищницы знаний в вечно пустую голову школьника-студента. В этом случае вполне достаточно «зачёта», чтобы успокоиться насчёт того, что необходимый минимум усвоен. А если выдаётся на-гора что-то сверх минимально необходимого, то разве в распоряжении педагога мало средств поощрения отличившегося?

— Но люди, как известно, разные. Школьники — тем более. У одного «зачёт» означает бывшую пятёрку, у другого — всего лишь с трудом натянутую дохлую тройку. Как отличить одно от другого?

— Очень просто. Занятия ведутся не по одной, как в XX веке, огулом для всех, а по целым пяти учебным программам, на выбор каждому. Одно дело — получить «зачёт» не по «базовой», а по «продвинутой» и тем более по «специализированной» программе (означающей серьёзное продвижение в овладении той или иной специальностью на самом высоком уровне). И совсем иное — тот же «зачёт» по «ознакомительной» программе, рассчитанной на «особо одарённых» с другого конца, т.е. на желающих просто ознакомиться с трудно дающимся предметом и забыть о нём, как о кошмарном сне. Но уж не лезть потом на физфак, если это физика. Или на истфак — если история. Мы не говорим здесь о десятках коррекционных программ, рассчитанных на учащихся с теми или иными проблемами физического, психического или интеллектуального порядка.

— И сколько же часов проводят дети в школе?

— Многих, как и из лучших школ бывлых времён, приходится выгонять насильно поздним вечером. Вообще то законом определено не более четырёх уроков в день для младших классов, не более пяти — для средних и не более шести — для старших. Плюс, соответственно, не более получаса — часа — полутора часов в день бывших домашних заданий, которые ныне превратились в «час самостоятельной подготовки», поскольку почти все выполняют эту работу в школе — так им удобнее: в компании всегда веселей, а помощь при нужде лучше получить от дежурного педагога, чем от замotanного к концу дня и обычно порядком невежественного родителя. Но всё это только днём, а для малышей практически только утром. Затем открываются школьные клубы по интересам, и многие проводят в них часы и часы, иногда в двух-трёх попеременно. Сбылась вековая мечта школьника: учеба даёт радость творчества. Если не получается — тебя не унижают, не «стегают» двойкой. Просто меняешь программу — и «соответственно» свой дальнейший путь в жизни. Кто же будет сбегать — искать добра от такого добра?

— Но ведь при таких условиях радикально меняется сама профессия учителя!

— Конечно. Он, как Господь Бог, выступает разом в трёх ипостасях. Во-первых, как собственно учитель, он обучает учеников эффективному общению с компьютером. А уж тот сообщает все те знания, которые раньше приходилось давать учащимся самому педагогу. Во-вторых, он выступает в роли программиста, приучает школьников быть хозяевами, а не рабами «умной машины», заставляя её помогать своему собственному творчеству. Наконец, в-третьих, — и это теперь стало главным — он является

воспитателем, т.е. передатчиком из поколения в поколение нужных стереотипов сознания и поведения, что не менее, если не более важно, чем все знания, умения и навыки вместе взятые.

Как известно, стереотипы сознания и поведения делятся на негативные и позитивные. Например, вековой стереотип сознания «русские меньше стакана не пьют и после первого не закусывают» едва не привёл русских, украинцев и белорусов в начале XXI века к полному вымиранию. А вот прямо противоположный стереотип «уважающий себя человек, если не болен, должен в будни добросовестно трудиться с утра до вечера, строго подчиняться закону и не посягать ни на что чужое, как бы плохо оно ни лежало» — привёл к процветанию многие страны Запада, а также Японию и Южную Корею. Привёл бы, наверное, и Китай, если бы не победивший его (и нас) социализм. Никаким обучением, только воспитанием можно привить человеку элементарную культуру питания и питья, одежды и жилища, общения, знаний и труда. А без такой культуры любая грамотность, любая квалификация — всё равно что телефон на столе у Чингисхана. Вот почему педагог XXI века — образно говоря, на 9/10 — воспитатель и только на 1/10 — учитель (правда, остальные 9/10 в данном отношении приходятся на долю компьютера).

3. Детсад становится всеобщей прогимназией

— Я вижу в разновозрастных группах на школьном дворе много детей дошкольного возраста. Это что же, гости из ближайшего детсада, что ли?

— Нет, это учащиеся школьной прогимназии, все до единого, дети из соседних домов с трёх до шести лет. Бывший детсад упразднён за вопиющее нарушение прав ребёнка. А бывшие детские ясли по той же самой причине преобразованы в особое отделение местной женской консультации, где дежур-

ные педиатр, методист и няни оказывают регулярную помощь всем местным матерям, в ней нуждающимся. В самом деле, скажите, почему мы до самого XXI века признавали человека человеком только с 6–7 лет, когда он, как и всякий человек, имел право на бесплатное образование? А до того приравнивали его к чемодану, который можно сдавать за особую плату в камеру хранения, а можно и не сдавать. Уж если сегодня однозначно признано, что аборт — убийство, то разве допустимо оставлять трёхлетнего ребёнка — уже не младенца! — без права на образование?

Меж тем ребёнку с трёх до шести лет предстоит узнать не меньше, чем с семи до десяти. Именно в этом возрасте он должен усвоить разницу между порядочностью и подлостью. Проникнуться Чувством Прекрасного, нетерпимостью в отношении всего грязного и безобразного. Усвоить азы культуры физического и умственного труда, физической культуры, естество- и обществознания. Наконец, научиться считать, читать и писать или хотя бы овладеть элементами рисунка и письма. Разумеется, всё это не за школьной партой, а в полном смысле слова играючи.

— Почему же тогда не начинать приём в школу сразу с трёх лет?

— А мы и принимаем всех до единого именно с трёх лет. Но дети в этом возрасте ещё очень сильно связаны с семьёй. А семьи бывают разные. Нельзя всех стричь под одну гребёнку! В одной семье с ребёнком успешно занимается мама или бабушка. И ему нужно только дважды в день погулять со сверстниками — мы уже говорили, что без этого личность вырастает ущербной. Другому требуется лечебный бассейн, вообще лечебная физкультура. У третьего какое-то увлечение и необходим специальный кружок. Четвёртого раньше звали несадовским. Ну не может он нормально общаться с другими детьми — только с любимой

мамочкой или бабушкой. Пятого лучше держать вне семьи с утра до вечера или даже круглосуточно такая у него, с позволения сказать, семья. Шестому необходим логопед. И так далее. Словом, различных режимов — много. А требования к обучению и воспитанию — одинаково высокие. И за их соблюдением строго следит главный педиатр и главный методист прогимназии. Главное требование — чтобы к моменту перехода в следующую подсистему системы народного образования ребёнок был вполне цивилизованным человеком, а не подрастающим варваром или даже пожизненным дикарем, как это нередко бывало в XX веке.

4. Всеобщее среднее специальное образование

— Если с трёх лет — прогимназия, значит, с шести-семи — гимназия? Тоже для всех?

— Смотря что понимать под гимназией. В XIX веке это было привилегированное училище для отпрысков из верхних слоёв общества. Чтобы туда не особенно лезли «кухаркины дети», специально ввели «мёртвые языки» и много чего ещё, в жизни обычному человеку ненужного. Совершенно как английская аристократия, которая ввела огромную плату за патент на чин офицера, чтобы в офицерский корпус попадало возможно меньше «неджентльменов». В XX веке при советской власти слово «гимназия» было заменено словосочетанием «полная средняя школа». Формально она была для всех желающих, а фактически — тоже преимущественно для отпрысков из верхних слоёв общества. Потому что там преподавалось только то, что необходимо для приёмных экзаменов в вуз — для 80% процентов молодёжи абсолютно ненужное. В XXI веке гимназией называется бывшая начальная школа для детей с шести-семи до десяти лет. О том, как в ней ведутся занятия, мы уже говорили. Добавим лишь, что в принципе они такие же как в средних и старших классах. Только с учётом специфики ребёнка — уже не младенца, но ещё не подростка, тем более не взрослого молодого человека. И ещё добавим, что гимназия выделена в особое училище не только программно, но и, так сказать, пространственно. Потому что горький опыт показал: смешашь

детей младшего и старшего возраста, тем более с подростками и взрослыми молодыми людьми — получишь жуткую «дедовщину», сгубившую русскую армию к исходу XX века. Впрочем, насколько помнится, в 199-й школе дети и подростки ещё в XX веке были разведены по разным школьным зданиям.

— И гимназия, как при царе, продолжается до самого университета?

— Нет, при царе был ещё лицей, куда, если помните, Пушкин поступил именно в отроческом возрасте. В память этого события мы переименовали в лицей все бывшие неполные средние школы. Ныне они только для подростков 11–14 лет. В 14 лет человек получает паспорт, становится почти полноправным гражданином страны (только право голоса и обзаведения семьёй он получает лишь три года спустя), поэтому больше не может оставаться учеником лицея, получает аттестат зрелости — ведь он уже взрослый! — и становится студентом следующей ступени образования — колледжа.

— Прогимназия, гимназия, лицей, колледж — слова разные, а суть одна?

— Почему же? Повторяю: прогимназия — для детей младшего, гимназия — для детей старшего возраста, лицей — для подростков, колледж — для взрослых молодых людей 14–21 года (с учётом акселерации). До 21 года — потому что именно в это время, как общеизвестно, наступает полное физиологическое, психологическое и социальное совершеннолетие человека (не только у нас — во всём мире!), и только тогда он вправе сознательно выбирать, в какую из последующих подсистем системы образования ему идти. При этом в гимназии полностью сохраняется общее образование по любой из пяти вышеупомянутых программ. Учителя лишь помогают

гимназисту полнее выявить свои склонности и способности, попробовать себя на той или иной стезе. В лицее общее образование продолжает превалировать, но уже основательно поставлена производственная ориентация (знакомство с особенностями современного рынка труда) и профессиональная ориентация (определение своего жизненного пути — пусть предварительное, которое может не раз и не два поменяться в последующей жизни, но без которого любой абитуриент — вопиющий педагогический брак). А колледж — это бывший ССУЗ (среднее специальное учебное заведение), т.е. сугубо профессиональное училище, только на уровне бывшего вуза и с очень солидной общеобразовательной подготовкой.

Колледж делится на младший, средний и старший. Первые два — по два года, третий — три года. В младшем колледже ещё очень много от лицея. Те же уроки, только с преобладанием предметов по избранной профессии и с очень продолжительной производственной практикой по данной специальности. Средний колледж очень напоминает бывшую аспирантуру. На первый план выходит производственная практика с периодической сдачей общеобразовательных и профильных минимумов. Наконец, старший колледж — это, по сути, стажёрство по месту будущей работы со всеми теми же минимумами и защитой диплома на степень лицензиата.

— Для всех поголовно?

— Кроме дебилов, которые остаются за рамками системы образования, в компетенции психиатрии. А остальные — почему же нет? Даже будущий дворник может и должен защитить односторонний диплом на степень лицензиата экологических технологий, дающий ему возможность занять по конкурсу (напомним ещё раз: каждое рабочее место в эпоху господства компьютера — на вес золота!) высокопрестижную и наивысочайше оплачиваемую в XXI веке должность оператора экологической службы города. Высочайше оплачи-

ваемую — потому что приходится иметь дело не с приятными текстами, а с очень неприятным мусором. Ну, а стажёрство, которое может продолжаться и после защиты диплома, потому что в условиях компьютеризации надо долго ждать открывающейся вакансии практически на любом участке общественного производства, и вступающий в жизнь молодой человек не должен становиться преждевременным конкурентом опытному специалисту, ещё не достигшему пенсионного возраста в 45 лет.

При этом все поголовно студенты колледжа обоего пола — как в XX веке в Израиле и примерно по тем же причинам — раз в неделю посвящают день военно-спортивной подготовке, а один из двух казенных летних месяцев проводят в военно-спортивных лагерях. К 21 году они получают квалификацию младшего сержанта и желающие могут попытаться поступить контрактниками в профессиональную армию. Только туда конкурс — как в XX веке в отряд космонавтов (и тоже примерно по тем же самым причинам). Кроме того, некоторые колледжи имеют военный профиль. После их окончания вовсе необязательно идти в армию, но имеешь весомые преимущества стать через двадцать лет генералом со всеми генеральскими квартирами, дачами, машинами, пенсиями и лампасами. С другой стороны, некоторые педагогические колледжи имеют высокопрестижную приставку «женские». Туда, как и в военные, отбирают строго по состоянию здоровья и по огромному конкурсу. Выпускницы могут идти преподавательницами в учебные заведения, а могут выбрать карьеру вышеупомянувшейся государственной директрисы своего домашнего детсада, счастью которой завидует любой генералиссимус.

5. Общее высшее образование

— Так что же, выходит, вы просто переименовали в колледж обычный прежний вуз, который ведь тоже оканчивали в 21–22 года?

— Нет, это принципиально разные учебные заведения. Вуз к концу XX века превратился в жуткий клубок сложнейших проблем с ярко выраженным асоциальным, можно даже сказать, антисоциальным эффектом. Дело в том, что родители чисто инстинктивно, как говорят, нутром чувствовали, что молодых людей 17–18 лет — сущих детей-инфантилов в условиях городского образа жизни — нельзя выпускать из школы, единственного социального института, который придавал смысл и хоть какую-то направленность их жизни, буквально на улице, прямо в пасть так называемым криминальным структурам. Раньше в 17–18 лет девушки в большинстве своём шли замуж, а парни — в армию. Теперь в эти годы сочетаются браком считанные проценты молодёжи, а ненавистная рекрутчина (тоже считанные проценты — большинство просто негодно к военной службе) только подрывает боеспособность армии. Вот родители и стараются всеми правдами и неправдами — чаще неправдами — удержать своих чад на школьной парте, переименованной в студенческую скамью. Естественно, возникает нездоровый ажиотаж, вокруг поступления в институт моментально образуется самый гнусный из чёрных рынков, беспардонное взяточничество в разных формах сопровождает многих студентов от дальних подступов к подготовительным курсам и далее со всеми остановками, вплоть до экзаменационных сессий и защиты диплома. А конечный результат? Он общеизвестен: до трети и более неправедно пролезших выпадают в отсев, а по специальности идут работать лишь считанные проценты.

Неужели такую трагикомедию переносить в XXI век? Нет, колледж бесплатен и общедоступен, так что взятки отпадают изначально. Хотя, конечно, по некоторым специальностям наплыв бывает чрезмерным, и без конursa не обойтись. А что касается дальнейшей учёбы, то она тоже бесплатна и общедоступна, по крайней мере в двух специфичных формах.

Прежде всего, постоянное повышение квалификации и периодическая переподготовка кадров любой квалификации — хоть дворника, хоть доктора наук. В XX веке много болтали о том, что в эпоху научно-технической

революции любые полученные знания стареют за считанные годы, и если систематически не обновлять их — любой диплом со временем оказывается липой как бы полученной по наследству. Между тем как ни в чём не бывало продолжали раздавать липовые дипломы пожизненно. Мы покончили с этой порочной практикой. Какой бы ни был у тебя диплом, но если в нём отсутствует вкладыш о повышении квалификации и прохождении переподготовки, он имеет такую же ценность, как медный пятак сталинских времён.

Наряду с этим столь же обязательное царство андрагогики — общего самообразования взрослых. Когда-то в вечерних университетах этой подсистемы занималось более полутора десятков миллионов рабочих и служащих. Затем её разгромили и извели под корень. Мы не только восстановили её, но и подняли на качественно более высокий уровень. Хочешь быть образованным человеком — изволь с любым дипломом каждодневно заниматься самообразованием. И по смежным с твоей профессией дисциплинам, и по всей сокровищнице отечественной и мировой культуры. Вплоть до защиты диссертаций по темам, напрямую с твоей профессией не связанным. Кстати, в этой подсистеме работают университеты Будущего Родителя, Молодого Родителя, Молодых Бабушки и Дедушки. Они много помогают решению той труднейшей демографической проблемы, о которой упоминалось выше.

6. Университет становится аспирантурой

— Но ведь не по каждой же специальности достаточно старшего колледжа, диплома лицензиата, повышения квалификации, переподготовки и пусть даже докторской степени в порядке своего рода «хобби» где-то в другой области?

— Разумеется. Дипломированным специалистам более высокого класса, нежели лицензиат, необходимо ещё несколько лет подготовки в специальном высшем учебном заведении — университете. Но ведь специалисты требуются разные. Почему обязательно всем по четыре-пять лет огулом? Как показывает мировой опыт, большинству будущих специалистов такого уровня — так называемым «практикам» (их насчитывается более двух третей от общего числа университетских студентов) вполне достаточно пару лет базовой подготовки с защитой диссертации на степень бакалавра плюс два-четыре года, в зависимости от специальности, такого же стажёрства по месту будущей работы с профильными и общеобразовательными минимумами, к которому они уже привыкли в колледже. Только, как говорится, «этажом повыше». Приблизительно четверти студентов, по характеру их будущей специальности, недостаточно и этого. Что ж, им даётся ещё два года базовой подготовки, защита магистерской диссертации и опять-таки никуда не денешься от продолжительного стажёрства. Наконец, считаным процентам — будущим врачам, научным работникам, вузовским преподавателям — даётся ещё два года на защиту докторской диссертации. Не хотелось бы проводить параллелей с кандидатскими и докторскими диссертациями в XX веке, потому что мы сегодня, в XXI веке, никак не можем понять — варварство это или просто дикость выставить на «защиту» старцев и стариц предпенсионного или даже глубоко пенсионного возраста? Как видим, университет XXI века намного сильнее отличается от университета XX века, нежели тот от аналогичных учреждений средневековья. По сути, он сделался тем, чем была в XX веке аспирантура и докторантура.

Кстати, в конце XX века эта система была по-обезьяньи заимствована у Запада. Только с обычной русской традицией втирания начальству очков в ответ на его, начальства, обычное самодурство. Хотите, как на Диком Западе? Пожалуйста! И вот появляется четырёхлетний бакалавриат, после которого надо либо ещё год учиться «на специалис-

та», либо ещё два — «на магистра». Но кому нужен «недоспециалист» или «переспециалист»? Поистине и смех и грех.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о студенческих стипендиях. То, что в 18 лет и тем более в 22 года всё ещё приходится сидеть на родительской шее — конечно же, вопиюще. Но не менее вопиюще и стипендия, покрывающая лишь незначительную часть самых насущных потребностей студента. Это всё равно, что выдавать человеку по конфете в день вместо нормального питания. С другой стороны, откуда взять денег на стипендию каждому в размере хотя бы минимальной зарплаты, а ещё лучше — хоть немного повыше? И за что платить такие деньжищи, если каждый третий будет с позором изгнан за глупость, помноженную на лень? А из неизгнанных лишь один из двадцати пойдёт по специальности, за которую получал стипендию?

Мы в XXI веке оптимально решили эту головоломку, неразрешимую для наших пращуров из века XX. Создана «студенческая ипотека». Предприятия, учреждения, организации «заказывают» себе своих будущих работников ещё на скамье старшего, а то и среднего колледжа и уж во всяком случае не позже бакалавриата — примерно так же, как в XX веке заказывали банкет или убийство. И заказчик платит заказанному довольно приличную стипендию, с тем чтобы тот оговорённое число лет поработал потом на фирму. В случае неустойки по тем или иным причинам банкроту или его родителям придётся сменить своё жильё, служащее залоговым капиталом, на гораздо менее роскошное. Вы знаете, студентов словно подменили. И питаться-одеваться начали как нормальные люди, и в голову никому не приходит прогулять целый семестр и попытаться наверстать упущенное за ночь перед экзаменом, когда на кону родительская квартира и отцовский ремень... **НО**